

Фраерок везухи в стиле Эмо

Нина Ленегор

Иронично-мистический фейк о житейской правде. Слесарь автосервиса Тимофей Резников неожиданно для себя оказывается двойником алмазного короля Глеба Куролесова, баллотирующегося в губернаторы Затюканского края. Не по своей воле Тимофею приходится подменять Глеба в публичной и личной жизни. При абсолютной внешней похожести Тимофей по характеру — полная противоположность Глебу. Размеренный быт доброго семьянина и востребованного автослесаря оборачивается цепью приключений в клоаке чужой гламурной истории. Подмена главных героев приносит забавные сюрпризы и судьбоносные коррективы обеим семьям и даже их животным...

Нина Ленегор

Фраерок везухи в стиле Эмо

Свесив лапу с подоконника, обняв полосатым хвостом керамический горшок с орхидеей, которую мама величала не иначе как «пафиопедилум сукхакула», Обормот беззаботно мурчал о чём-то своём кошачьем. Рита забросила подальше в письменный стол учебники, с планшетом забравшись на диван, подбирала наряды и макияж виртуальным барышням. Суперово! Родоки на все выходные уехали загород с приятелями. А то была бы по ушам истерия спортивных комментаторов из папиного ноутбука, папа прыгал и кричал, что потерпевший. Мама по телефону с сотрудницей Таей в сотый раз обсуждала бы коллегу, против которой они вдвоём дружили. «Как тебе Ларкина новая кофтейка-разлетайка? Во-во, небось, на рыночной распродаже у китайцев за сотку выторговала! Туфли видела? Дерматин, и цвет серо-буро-малиновый! Что? Её собачка куражная? Даже слышать не хочу! Никакая она не померанский шпиц, а помесь морской свинки с ёжиком! Говорит, муж в отпуске, уехал с друзьями на Байкал? Какая там рыбалка? За бабами он охотится на тёплом побережье! Оно и понятно, от такой зануды, как Ларка, любой мужик сбежит не

то, что на Байкал, сам утопится в Бермудском треугольнике!».

Зажужжала, закружилась по бежевому велюру дивана мобилка. Денька! Рита радостно схватила телефон, но на экране высветилась «мама».

— Привет, ребёнок! Как дела? — Всё также... И сколько просить, не называй меня «ребёнок»! Я взрослая уже! — включила хандру Рита.

— Хорошо, взрослый ребёнок! Надеюсь, ты не в куколки играешься, а готовишься к вступительным экзаменам? — Надеяться не вредно... — Как-то ты всё холодком! А расслабляться некогда, через месяц вступительные экзамены! Это тебе не халам-балам, а юридический вуз! А не желает Рита ни в адвокаты, ни в прокуроры, ни в сыщики, ни в какие другие жандармы! Выучится она только на ветеринарного доктора — без вариантов! Будет лечить собачек, кошечек, птичек, хомячков, черепашек. Но родоки её засмеяли — не престижно, не модно. По барабану им, что с пятого класса Рита роется в энциклопедиях, штудировает атласы животных и каждые выходные бегаёт помогать в соседнюю ветеринарную клинику, где её прозвали «Айбо-Рита».

— На диван с ногами не залазь! Кота гони с подоконника, а то ненароком свалит мою «пафиопедилум сукхакула»! — раздавала указания

мама.

— Мамуль, не «трои»! У нас с Обормотом всё «пучком»! — Язык не поворачивается такого красавчика Обормотом называть... — Потому что не «симпосибл» быть красивым таким... Хоть кличкой кота подпортить, сделать мужественней!

— Ладно, твоя животина — обзывай хоть «горшком»! Но эти «трои», «пучком», «симпосибл» и прочие издевательства над русским языком... Ещё раз услышу... — Ну, да, это ж не «пафиопедилум сукхакула»...

— Короче, лучше не зли меня...

— И что мне будет? В угол поставишь, коленями на горох? — хохотнула Рита.

В этот раз мамина фантазия споткнулась на очередной акции промывания мозгов, дежурные нравоучения не успели развернуться в бесконечность нудного рэпа. Кстати, музон... Рита одела наушники и улетела в мир модных рок-групп. Но что-то вдруг стало мешать, отвлекать — она сняла наушники. Обормот странный, глаза горят, напыжился, шерсть дыбом, как после стирки без антистатика. Во дворе Батон лает, разрывается. Рита вышла из дома — никого, за калитку выглянула — тоже никого. Пёс немного успокоился, виновато хвостом виляет. Рита вернулась в дом, одела наушники, но снова как-то не по себе, музыка мимо ушей в никуда улетает.

Она приоткрыла глаза, и на тебе — минорный стоп-кадр! Посреди комнаты незнакомый мужик, похожий на жэковского сантехника! Сдёрнув наушники, Рита испуганно прыгнула с дивана.

— Вы... кто... откуда?

— А чё это входная дверь не закрыта? — хриплый недобрый голос.

Привычные благородные ароматы цитрусового фрэша и свежемолотого кофе родного жилия пробил чужой крепкий запах пота, перегара и дешёвых папирос.

— Как вы в дом вошли? Без разрешения...

— Я звонил, звонил... Потом толкнул калитку, она и открылась! — А Батон, как вас пропустил?

— Батон? Кто такой Батон? — Пёс наш, породы кане корсо... — А..., кобелёк, который у тебя во дворе. Молоденький ещё, не матёрый. Дурашка... — Не дурашка он! — обиделась Рита.

— Спит твой Батон, храпа даёт... — Спи-и-ит..., храпа даёт? Такого не может быть! Здесь что-то не то! Уходите, не то я сейчас закричу!

— Да, погоди, ты, верещать! Котофея до смерти напугала! Со страху у него и уши отвалились! — На вас у Обормота агрессия! Недобрых людей он за километр чувствует! — А Обормот — кто? — Кот! — То Батон, то Обормот — чудно! Хорош про кота ясновидящего. Ты чё,

меня совсем не помнишь? — С чего мне вас помнить, если раньше никогда в глаза не видела? — Семён я, сосед твоей бабушки. Твоя ж бабушка — тоже Маргарита? — Допустим... Что с того? Моя бабушка Маргарита давным-давно померла!

— Я знаю — имя тебе дали в память о бабушке...

— Тоже мне секрет, будто пин-код банковской карточки Сороса выдал! И что теперь, мы — родственники? По-свойски, можно вваливаться к нам домой?

— Пацаном я влюбился в Марго. Лет тринадцать мне было, а ей — чуток больше двадцати. Как-то даже с бельевой верёвки тайком её ночнушку снял, в обнимку спал... Не знаю, догадывалась она или нет, что я по ней сохну... В окна подглядывал, к мужу ревновал, даже убить его задумывал. Неожиданно рано она померла, твою мамку Маринку совсем маленькую сиротой оставила. Давно это было, на могилку к Марго я цветочки до сих пор ношу.

— Ах, как мило — «мыло» Болливуда! Слезы-сопли индийского кино! — Бесчувственная ты какая-то... Вот скажи, тебе сейчас сколько годков? — Сто одиннадцать! Разве не заметно?

— Не спеши, девочка, стариться, успеешь! Поди, лет шестнадцать — семнадцать! — А хоть сколько, тебе-то какое дело? — фыркнула Рита.

— Сильно ты похожа на ту Маргариту, хотя поганишь себя черными мазилами вокруг глаз, губы, ногти. Вместо бровей, металлолома натыкала... В ноздрях заклёпки... — Не заклёпки, а персинг! Бе-е-е... — не поскупилась на негатив Рита.

— Мать моя женщина! И на языке головка булавки... А если ненароком проглотишь? — ахнул Семён.

— Yes! — будто стоп-кран дёрнула Рита.

— Всё равно, ты мне нравишься! — Абзац! Зашквар! Ты, дед, видать, дурку словил! Белка бьёт в голову? Вали отсюда подобру-поздорову! Сейчас родоки вернутся! У меня папа, знаешь кто? Бывший десантник! Сослуживцы его «Барс» до сих пор называют! Враз голову тебе оторвёт, хребет через колено хрястнет!

— Не вернутся они, уехали на пикничок, водочку попивают, шашлычком закусывают! — Тогда..., тогда я милицию сейчас вызову! — задрожал голос Риты.

— Та, ну её эту милицию, кому она может помочь? Иди ко мне, моя куколка, приголублю тебя! — Что-о-о...? Приголубишь...? Только прикоснись ко мне своими грязными лапами! Не твоя я куколка, урод! Не трогай меня! — взвизгнула Рита.

Она беспомощно забилась за тумбочку в углу

комнаты. Семён схватил её за локоть, резко потянул к себе. Тумбочка перекинулась ему на ногу. Семён запрыгал на месте, зашипел.

— У, сука... Отбежав, Рита схватила утюг с гладильной доски — швырнула в непрошеного гостя. Утюг с отпущенным шнуром воздушным змеем пролетел через всю комнату и воткнулся в зеркало, оставив роковую трещину. Рита бросилась наутёк. Семён догнал, поднял её на руки. Как обезьянка, она цеплялась за лутку двери, шкаф, спинку кровати, визжала, отбивалась руками, ногами. Но мужик сильный, и вот уже Рита бессовестно распята на родительской постели, с неё срывают майку, шорты. Бешено зашипел Обормот, спина горбом, хвост ершом, динамитом рванул с подоконника. Цветочный горшок с «пафиопедилум сукхакула» грохнулся на пол и взорвался. Осколки итальянской керамики, комочки земли, веточки нежной орхидеи, поднявшись в воздух, медленно осели на пол. В хищном прыжке Обормот мёртвой хваткой впился когтями в ногу Семёна.

— Откуда ты взялась? С того света, что ли? Не кусайся! Я сказал, не кусай-ся-я! У, зараза! Расцепи зубы-ы! А-а-а-а-а! Больно-о-о-о! И ты, котяра блохастый, отвяжись! Не царапайся! Убери когтяры! Брысь! Пошёл вон, скотина! — вдруг завопил Семён.

Схватившись за окровавленную щеку, он

отпустил Риту и метнулся к входной двери, на ходу отбиваясь от Обормота, без оглядки выскочил из дома.

Ошарашенная Рита поднялась, натянула одежду, убрала волосы с лица. Вместо Семёна, как из тумана, девушка со знакомыми чертами лица. Чинно обтирает уста батистовым носовым платочком с кружевной окантовкой.

— Я прокусила Семёну щеку, вот он тебя и отпустил. Сбежал... — голос смирный, монотонный, будто вода журчит из поломанного крана.

— Так, значит, это ты того гада укусила? — изумилась Рита.

— Да, я щеку прокусила Семёну, а котик ему ногу искромсал. Не волнуйся, дорогу сюда Семён теперь навсегда забудет.

— А ты кто? Откуда взялась?

— Маргарита я..., бабушка твоя...

— Ба-бабушка? Маргарита? Та самая, которая давным-давно померла? Хочешь сказать, ты — привидение? — ошарашилась Рита.

— Да, привидение. Не просто привидение. Я — Справедливое Привидение. — Ха-ха-ха... Справедливое Привидение... Один восторг и два изумления... Стихийный Хэллоуин... То престарелый секс маньяк приبلудился, то девушка — родная бабушка... Так я и поверила... По ходу,

ты с того света, и я сейчас должна уписываться от ужаса... — невесело хохотнула Рита.

— Не надо уписываться от ужаса, не для того я здесь, чтобы тебя пугать...

— А для чего? — Чтобы спасти...

— Немой рассказал глухому, как слепой видел, что безногий по воде бегал... — Язык у тебя хорошо подвешен. Не веришь мне...

— Какой лох поверит в этот трэш? Для убедительности в такое дурацкое платье, туфли вырядилась? А причёска..., бусы..., губы сиреневые... Полный отстой! — криво усмехнулась Рита.

— Так меня в гроб надели... — В гроб тебя надели? Капец... — ахнула Рита.

— Да в гроб. Надели самое лучшее. Дефицитное. Бусы — чешского бисера, с переплатой доставали в ювелирном магазине. Туфли — югославские, по талонам от дворца бракосочетания покупали в магазине «Счастье» ещё к моей свадьбе с Фёдором, дедушкой твоим. Платье — кримпленовое, расцветочка модная — синенькая в белый горошек. Ткань в универмаге в продажу выбросили, мама полдня в очереди простояла. Сшила я его сама, выкройка осталась со школьных уроков домоводства. И батистовый платочек я сама кружевами обвязала, в углу свои инициалы «М. С.» нитками мулине «гладью» вышила. Его мне в рукав

платья в гроб положили. — «Крестиком», значит, вышиваешь! Всё понятно, в спецшколе для недоумков училась! — Почему для недоумков? Как все, в общеобразовательной школе училась — И что ты хочешь сказать, в общеобразовательной школе вас учили шить, вязать, вышивать? — ухмыльнулась Рита.

— Да. На уроках труда. Сначала основательно изучали напильники драчевые, бархатные, треугольные, полукруглые... А потом скоренько кулинарию и рукоделие... — Опять гонишь! Напильники для чего? — фыркнула Рита.

— Никто не знал для чего... Но в нарукавники рядились, деталь в тиски вкручивали, и давай пилить... Наверное, в пролетарии всех поголовно готовили. — Типа «пролетарии всех стран соединяйтесь»? — Вот именно... — Отстойная реклама...

— Полвека назад вместо рекламы лозунги были. «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» — самый раскрученный лозунг, как сейчас рекламы водки. А, чем тебе моя причёска не нравится? Весёленькая — «каскад» называется. Ты-то, зачем так выкрасилась? Полголовы зелёная, полголовы — цвета смолы? Красота должна быть натуральной. Волосы торчат, что перья драной вороны. Сделала бы себе аккуратненькую стрижку, думаю, «гарсон» или «гаврош» к лицу тебе будет. А что с твоими

бровями, где они? — Хосспаде! Ещё одна к моим бровям привязалась! Отстань! Нет у меня бровей! — огрызнулась Рита.

— Ума не приложу, сбрила что ли? Брови — самая красота для девушки. Вместо бровей, рыболовных крючков понатыкала. Черноты наваксила на глаза, ногти... К земле спешишь клониться?

— Причём здесь земля? Мода такая — Эмо называется! — Странная какая-то твоя мода, можно даже сказать безобразная... — Отвяжись, всё у меня фэншуйно! — Фен... что? — Фэншуйно! Красиво и по уму, значит...

— Наоборот, совсем некрасиво и, скорее, по дури. Ладно, не будем драматизировать, повзрослеешь, всякое Эмо само собой уйдёт — Так, стоп! Сеанс мракобесия сворачиваем! Давай колись, кто тебя надоумил на весь этот бред? Гроб, кримплен дефицитный, выкройки с домоводства, «гарсон», напильники дурачливые, мулине «крестиком»... — Не дурачливые напильники — драчевые. Мулине не «крестиком», а «гладью». Никто меня не надоумил, я сама. Ты ж внучка моя единственная, в честь меня названная.

— И к бабке не ходи, мой Денис всё придумал! Потешается над моим Эмо! Он ещё тот сложноприколист! — К какой бабке не ходить? У тебя две бабушки — я и твоего папы мама Римма

Александровна. Она сейчас далеко — в Израиле, приятельницу полетела проведать. Там на рекламу «купилась», в Мёртвом море живую воду ищет. Остеохондроз, радикулит, подагру одним махом надеется вылечить — Ты и бабушку Римму знаешь? — А как же, мне всё про всех ведомо. А Денис тут не при чём. И не твой он, у него рыженькая Лёля в зазнобах.

— Что-о-о? Лёлька? — Да, его девушку Лёля зовут — Та мыша губатая с ржавыми волосами? Никогда не поверю! Опять гонишь, пургу несёшь! — задрожал голос Риты.

— Фома неверующая... Могу доказать, видео приставка имеется? — Видео приставкой сейчас редко пользуемся. В планшете покажи! — Планшетник я не знаю — Планшет, а не планшетник! — усмехнулась Рита.

— Вот именно, не знаю, а видео запущу. Правда, чуток подзабыла...

Засветился телевизор. Несколько неуверенных щелчков, и на экране Денис жарко целуется с рыжеволосой Лёлей на лавочке в парке, в подъезде. Потом интим по полной программе на квартире Дениса.

— Бред! Подстава всё, дешёвый цирк! Спам на мою голову... — закрыла лицо руками Рита.

— А если я цветочек оживлю, горшочек склею, зеркало обновлю, тумбочку на место верну,

поверишь? — Зеркало я разбила — примета плохая. За «пафиопедилум сукхакула» мама, вообще, убьёт. Как теперь всё исправить? Невозможно это... — захныкала Рита.

— Для меня возможно, смотри... Справедливое Привидение взмахнула рукой. И опа! На зеркале ни царапинки, блестит, как новенькое. Осколки керамики сами по себе приподнялись, по-деловому, как пазлы, сложились. Земля утрамбовалась в горшок, веточки орхидеи срослись, выпрямились. «Пафиопедилум сукхакула», как ни в чём, ни бывало, на подоконнике стоит, к свету тянется. Затанцевали в паре веник с совком, хватко собрали мусор с пола. Зажужжал пылесос, закружился по ковру. Тумбочка на место стала, дверки закрылись.

— И тебе, внучка, работа найдётся. Утюг подними, целый, не разбился. Постель перевёрнута, некрасиво, заправь. У двери кровавый след Семён оставил, смыть надо. — Есно! — недовольно скривилась Рита.

— А так порядочек. Не забудь цветочек полить, после стресса пить хочет. Вода, что б ни холодная, а то орхидейка простудится.

— Узбагойся..., раскомандовалась. Сама знаю... — фыркнула Рита.

— А чего ты так говоришь «Хосспаде», «есно», «узбагойся»? Пол алфавита, что ли не

выговариваешь? Куда ж твои родители смотрят? К логопеду следует обратиться, пока не поздно — Ой, заколебала ты меня! Всё я выговариваю! Слушай:

«В недрах тундры
Выдры в гетрах
Тырят в вёдра
Ядра кедров!»

«Хосспаде», «ессно», «узбагойся» — сленг по молодёжке. Поняла? — Сленг? По молодёжке? Поняла...

— Лучше скажи, где мой Обормот, слабо его найти?

— Тут он, в стрессе ещё, забился под книжный шкаф. Сам вылезет, когда я уйду, сейчас не хочу его смущать. Котик славный, мордочка кругленькая, глазастенький. Шерсть плюшевая и полоски, будто кисточкой нарисованы. Не пойму только, где его уши? Калеченный он, что ли? — Сама ты калеченная! А мой котик не калеченный, а элитный, породы «скотиш фолд»! У него ушки в три залама прижаты к голове. Вислоухий он! — оскорбилась за любимого кота Рита.

— Вислоухий? А, чего уши у него завалились, в трубочку скрутились? Кальция не хватает? А так кот холёный, справный. Детки, наверное, от него красивенькие получаются — Какие детки?

Кастрированный он... — Что это значит? Яички «чик-чик»? — ужаснулось Справедливое Привидение.

— Вот именно, «чик-чик»! Прежние хозяева его евнухом сделали. Боялись, повзрослеет — мебель, ковры метить начнёт. Так он им отомстил — в сковородку нагадил!

— Кот в сковородку нагадил? Ну, это уже никуда не годится! — Видела бы ты тех хозяев — «мажоров»..., сама бы им в чайник написала! Принесли котика в ветеринарку усыплять. Худой, облезлый из-за авитаминоза. А они своё. «Лишай! Долго и дорого лечить! Пока вылечим — нас заразит! Морочиться не будем! Усыпьте — наш кот, наша собственность, что хотим, то и воротим!»). Всей ветеринаркой «мажоров» ели уговорили котика мне отдать. Ещё и деньги немалые «мажоры» с меня содрали! — Помнит добро твой Обормотик. Благодарный, преданный тебе. Защитник... — Прикинь, кличка у него была Боня... Что зря... — Боня? По-моему, неплохо звучит... — Куда не плюнь — везде Боня, что собачка, что кошечка. Пола неопределённого — ни мальчик, ни девочка! Я его в Обормота переименовала. Сразу котом себя почувствовал. Красавчик! Драйвово, когда кот здоровенный, что медведь, а диванная собачка малюсенькая, что блоха! Заработаю денег — куплю себе щенка

чихуахуа. Шоколадного окраса. Девочку. Эту мелюзгу по приколу назову Муха!

— А кот не съест эту собачку? Подумает — мушка или мышка...

— Не подумает, не съест! Обормот у меня умница, разбирается, что к чему! А вот ты не рубишь в моде — ни на котов, ни на одежду, ни на причёски! За горшок и «пафиопедилум сукхакула», конечно, спасибо... — «Пофиго... сукха...»..., ой, язык сломаешь. Господи прости, ругня какая-то получается. Тоже по «молодёжке»? — По научному! «Пафиопедилум сукхакула» — название орхидеи. Спасибо, что оживила цветочек, не то моего Обормота мама на улицу выбросит!

— Не выбросит... Покричит, покричит, но не выбросит... Дочка у меня вспльчивая, но отходчивая... Сердце у неё доброе... И потом, не до кота теперь Маринке будет... — Дочка... Маме сорок, тебе где-то под тридцатник. Не логично...

— Земной судьбы мне было отмеряно двадцать восемь лет. — А чего ты померла так рано?

— Час мой пришёл... — А я знаю, мама рассказывала. Маленькая она была, утром ты её блинчиками кормила. Открыла холодильник сметану достать, другой рукой за батарею взялась — и тут тебя током мгновенно убило! Мама тогда очень испугалась! Хорошо в счётчике пробки

сработали, электричество отключилось, а то и маму убило бы. Ползала она по тебе, плакала, кричала. Очень она тебя просила, чтобы ты ожила... Но ты не ожила... На шум прибежал муж твой, дедушка Фёдор. Вызвал скорую помощь — приехали, констатировали смерть. Грешили на соседей, будто электричество воровали, на батарею отматывали. Уголовное дело открыли, но ничего не доказали...

— Я ж сказала, час мой пришёл — смерть причину нашла...

— Как же ты кого спасёшь, если, по-твоему, судьбой всё предрешено? — Желающего судьба ведёт, а нежелающего тащит... От насилия, травм, позора, глупой выходки, которые иногда хуже смерти, убережь смогу — А любить заставить можешь...? — загорелись надеждой глаза Риты.

— Вот это нет, невозможно. Никакие привороты, никакие заклинанья, никакие присухи, никакое зелье не в силах заставить любить. Любовь она независима, сама рождается, сама умирает...

— А ты знала, что этот Семён был влюблён в тебя? — Конечно, знала. Любая женщина чувствует любовь. — А как это — почувствовать любовь? — Как объяснить... Во-первых, глаза... У влюблённых в глазах свет, тепло, солнце... И про ночнушку я догадывалась — с верёвки Семён унёс, в обнимку с ней спал. А муж мой Фёдор любить не умел, только прикидывался. Влюбляться легко, любить трудно...

Потому после меня мой муженёк и года не дождался, женился на своей однокласснице Галке. За это на Фёдора я не в обиде. Живому — живое. Не могу простить, что Галка над Маринкой измывалась, и Фёдор ей потакал. Вместо того чтобы дочку от мачехи защищать, он в интернат её спровадил. А Семён после моей смерти много баб поимел, но любовь так и не встретил. Пьянки — гулянки. Ни семьи, ни детей. Потому у него душу пылью присыпало, глаза туманом затянуло. На этом свете ему осталось два месяца. Чувствует он, вот и беснуется.

— Так ему, гаду вонючему, и надо! — выкрикнула Рита.

Она призадумалась.

— Говоришь, этому Семёну два месяца осталось... А что с ним случится? — Пойдёт в поликлинику зуб мудрости удалять. Для храбрости водки слегка дёрнет. Врач по халатности не проверит восприимчивость пациента на новокаин, сделает обезболивающий укол и выйдет из кабинета по мобилке поговорить. Заболтается. Вернётся, а сердце Семёна уже остановилось... С реанимацией опоздают... — Жесть! Я никак не решусь зуб запломбировать, теперь вообще тормоз! Вдруг тоже на стоматолога — пофигиста нарвусь? — Не нарвёшься. С зубом не тяни, а то вместо пломбы удалять придётся. — А теперь

скажи, сколько мне жизни отмеряно? Как я помру? А мама, папа? Бабушка Римма? Обормот, Батон? — закидала вопросами Рита.

— Насчёт собачки — твой Батон сейчас крепко спит. Семён снотворным его накормил. Не волнуйся, пёсик оклёмается, всё будет хорошо. А про судьбу не спрашивай, ни к чему наперёд знать...

— Признайся — всё ты нафантазировала! Ничего тебе неведомо! — разочарованно хмыкнула Рита.

— Знаю, но не скажу. И вам не надо в судьбу заглядывать, не то вся жизнь под страхом ожидания, в календаре зарубки делать будете. Меня накажут, больше не позволят вам помогать...

— А вот здесь поподробнее — кто тебя накажет? Очень интересно — расскажи! — подпрыгнула от любопытства Рита.

— Об этом, внучка, даже не заикайся... Не положено. — Так, придумала... Стратегия — точка — есть. Действуй! Для начала такие вот два простеньких задания. Задание номер один — Дениса предателя кастрировать, как блудливого кота! Задание номер два — Лёльку остричь под нулёвку, противные ржавые патлы сжечь! И чтобы волосы у неё никогда больше не росли, голова лысая, как колено, осталась! — Не бери грех на душу — не желай беды ближнему!

— Я сказала: изуродуй эту сладкую парочку! Иначе я себе харакири сделаю! — вдруг зарыдала Рита.

— Ты мне истерики не закатывай. Я здесь, чтобы спасти, а не калечить. В любви тебе Денис не клялся, за ручку подержался, поцеловал разок и забыл. И ты его забудь, на нём свет клином не сошёлся. Девчонка эта Лёля перед тобой тоже ни в чём не виновна. Для них обоих это баловство, время сейчас такое — спешат опыта в сексе набраться. Принц твой появится, познаешь любовь настоящую. — «Принц», «любовь настоящая»... Не верю! И вообще, никто тогда мне не нужен! Решено — я уйду в монастырь!

— Ой, милая..., на твоём жизненном пути таких Денисов столько ещё будет... Из-за каждого голову терять, жизнь себе калечить? Твоим капризам потакать я не собираюсь. Я тебе не мать, которой ты привыкла коники выкидывать. Мало Маринка от мачехи натерпелась? Теперь ты ей душу мотаешь. Ничего ты себе плохого не сделаешь. Любишь себя. Оно и правильно.

— Тогда уходи! Для чего ты здесь? Котов пугать? — выкрикнула Рита.

— Отвыкай на старших голос повышать. По-любому, сейчас я уйду, скоро Маринка приедет. Рано ещё нам с ней встречаться. И мне уже пора на тот свет возвращаться.

— А вот и не угадала! Родоки вернутся только послезавтра! — прицокнула языком Рита.

— Повторяю, этой ночью Маринка явится. Тимофей исчез... Незадача с ним.

— «Исчез»... «Незадача»... «На тот свет возвращаться»... Для пущей важности страшилок накидала?

— Вот что я скажу тебе, Рита, — внучка ты неблагодарная... К сожалению...

Маргарита горько вздохнула и растворилась.

Из-под книжного шкафа настороженно вылез Обормот, принялся недоверчиво обнюхивать дом. Рита кота позвала, на руки взяла, погладила. А он неожиданно зашипел.

— Ах, ты, обормотина жирный! Уродец безухий! — обиделась Рита.

Обормот ударил лапой, убежал.

— Забыл, кто тебя от смерти спас, у «мажоров» выкупил? Хорошо, бабушка Римма — добрая душа, деньгами выручила, об этом папа и мама до сих пор не знают! Вот что я скажу тебе, Обормот, — кот ты неблагодарный! К сожалению...

Кот невозмутимо запрыгнул на подоконник и принялся старательно умываться.

— Не умывайся — не зови гостей! Видеть никого не желаю! — прикрикнула Рита.

Она набрала воды, слегка подогрела, бережно

полила орхидею. Тумбочку прямее поставила, ящик и дверку плотнее закрыла. Сняла мягое покрывало с кровати, струсив на крыльце, аккуратно застелила. Утюг подняла, на место поставила. Зеркало проверила — гладенькое, а то девчонки говорят «разбитое зеркало — разбитая любовь». Брезгливо скривившись, Рита влажной тряпкой вытерла кровавый след у двери, тряпку выбросила в мусорный бак, вымыла руки. Вышла во двор. Возле калитки, вытянув лапы, будто в коме, лежал Батон. Рита нагнулась, прислушалась — дыхание ровное, нос холодный, но суховат. Вернулась в дом, в кладовке нашла коврик и плед, оставшиеся после Амура. Батону под голову коврик положила, пледом укрыла.

Ближе к ночи послышался радостный лай Батона, резко отворилась входная дверь. Марина — чернее тучи, втащила дорожные сумки. Обормот мгновенно слинял с подоконника, как порядочный, улёгся в кошачий диванчик на полу. Марина прямиком к подоконнику проверить, цела ли её «пафиопедилум сукхакула». Первый признак плохого маминого настроения.

— Что это с Батоном? Встретил, но какой-то не такой! Вялый, что сонная муха. И чего это Амура коврик и плед на земле валяются? Случаем Батон не заболел? — заговорила Марина.

— Не заболел, с ним всё нормально... А папа

где? — всполошилась Рита.

— Не знаю, где твой папа! — истерично выкрикнула Марина.

— Как не знаешь? Разве вы не вместе были?

— В том то и дело, вроде, всё ладком. Вечером всей компанией хорошо посидели под шашлычок и коньячок. Шутили, анекдоты рассказывали — всё как положено. Тимофей на гитаре играл, пел, мы подпевали. Утром тремя машинами выехали в лес, играли в теннис, волейбол. Рыбы наловили, развели костёр, уху «по-царски» сварили. Обедать — а Тимофея нет! Обыскались, но не нашли, не дозволись! — Мама, почему ты злишься? — Радоваться нечему! Не сам он исчез, вместе с Ольгой! Как я раньше ничего не замечала? Муж Ольги психанул, я тоже за сумки и домой! — Может, с папой, что случилось!

— Не доставай меня! «Случилось»! Кобелина шелудивый — нагуляется, похоть свою насытит и объявится! Никогда не прощу! Завтра ж на развод подаю!

«Чумачеччая, чумачеччая весна пришла...» — шепеляво возликовала Маринина мобилка.

— Да-а-а? Ольга звонила? Говорит, заблудилась в лесу, была одна. Потом рассорилась с мужем, уехала к родителям... Знаете что? Так я в этот лохотрон и поверила! Не надо дуру из меня делать!

Марина отбросила мобилку.

— Мама, послушай! Может, папу спасти надо? — заплакала Рита.

— Не каркай! С чего ты взяла? — Бабушка приходила...

— Не ври! Бабушка Римма далеко, в Израиле! — Другая бабушка — Маргарита. С того света явилась...

— Рита, дочечка, что ты несёшь? — ужаснулась Марина.

— Я правду говорю! Бабушка Маргарита приходила! Недавно... — Бабушка Маргарита — мама моя...?

— Вот именно, твоя мама, с того света явилась! Сказала, папа исчез! И ещё слово такое... А, «незадача»! Незадача с папой!

— А где ж она сейчас? — Сказала, ей пора на тот свет возвращаться... — Ну, да, на электричку опаздывала! Не фантазируй! Не морочь себе и мне голову! И так тошно! Моя мама уже лет тридцать в могиле! От твоего «Эмо» ты совсем с катушек съехала!

Хлопнув дверь, Марина закрылась у себя в спальне. Присев на кровать, из верхнего ящика тумбочки она достала заветную фотографию. На снимке молодая смеющаяся мама и маленькая счастливая Маринка держат на руках рыженького пушистого щенка. Марина погладила рукой

фотографию, прижала к груди, по-детски жалобно заплакала.

... Темно. Где это я? Похоже, чердак какого-то старого дома. Крыша дырявая, небо просматривается, звёзды. Хорошо хоть дождя нет, и так сыро. Спать хочется — умираю... А не уснуть — холодно. Лежу на гнилой соломе, рваное одеяло, старая фуфайка, недолго и задубеть. Коровьим помётом воняет... По углам шуршат, наверное, мыши..., лучше уж полевые, чем летучие. Внизу собака лает — чужая, не Батон. Голова болит... — капец! Тимофей ощупал лицо, затылок, шею. Вроде всё цело. Пора бы в туалет, а то, как бы не опозориться... Опять же, пить, есть хочется, желудок сам собой начал закусывать. Сколько я здесь? Который час? А, где мой телефон? Тимофей проверил карманы, пошуршал вокруг себя рукой. Ни телефона, ни водительского удостоверения, ни бумажника, ни ключей. Попытался встать, но ноги свинцовые, не поднять. Чертовщина какая-то! Может, всё снится? Да, нет, вживую.

Маринка, небось, обыскалась. Она ж — дурёха, мнительная, напридумывает всякие глупости, заревнует обязательно. Дочка напугается, в слёзы. Мама из Израиля позвонит, тоже в панику, сердце у неё и так никудышнее. На работе — завал! Клиенты директора с дерьмом сожрут. А, может, оно и к лучшему? Пусть жрут! Больше ценить

будет, зарплату, наконец, добавит! Всё-таки, как я сюда попал...? Решил пройтись по сосновому молодняку — Маринка любит маслят, прижаренных на решётке. По пути нашёл толстенького боровичка — обрадовался, значит, пара-тройка ещё где-то поблизости. В грибном азарте закрутился, потерял направление. Внедорожник с номерами соседней области на поляну вырулил... Какие-то незнакомые мужики — на лесников, охотников, рыбаков непохожие... Дальше... чёрная дыра, квадрат Малевича, провал в памяти.

Светает... Сейчас бы ванну горяченькую принять, кофейку выпить, бутербродов с колбаской, сырничков со сметанкой. Ноутбук открыть, по интернету погулять. Что нового в мире? Как там наши с итальянцами и немцами сыграли, неужели опять продули? Что это? Похоже, какой-то движняк, шум машины, шаги... Померещилось, галлюники начались? Нет, в натуре... Трое мужчин, похожие на тех в лесу. Луч чужого фонаря нервным зайцем запрыгал по чердаку, ослепил Тимофея.

— Проектор прямо в глаза воткнул! Убери! — возмутился Тимофей.

— Вставай, курортник! Кандалы заменили наручниками. Вывели на улицу, к машине толкают.

— Мужики, едрит твою в качель! На горшок посадите? Памперсы наденете? Или хотите, что б я

вас осюрпризил? — взвинтился Тимофей.

— А, да..., в «дальняк» тебе надобно... Иди, разгоняйся не сильно, не то прямо на старте остановим! Компанией прогулялись до ветру.

— Воды напиться хоть дайте... — попросил Тимофей.

— Сушнячок по glandам бьёт? Понимаем... Выдали двухлитровую бутылку неплохой минералки. Втокнули на заднее сидение внедорожника. Сами сели с обеих сторон. Водитель в камуфляже, возле него, похоже, старший — хмурый качок с фиолетовым шрамом через всю лысину. Ехали долго, всё молчком. Братки явно боролись со сном. Сосед слева пошелестел пакетом с бутербродами, налил из термоса горячий кофе, дразня вкусными ароматами, не спеша принялся жевать. У Тимофея подкатила голодная слюна, старался проглотить незаметно, а получилось, будто мухобойкой по ушам. Лысый обернулся, ухмыльнулся.

— Отрыжкин, не жлобись! И гостю предложи бутербродов, кофию плесни. А то вдруг слюной захлебнётся, а он нам нужен живеньким и бодреньким!

Обладатель неаппетитной фамилии, покосившись, неохотно подвинул Тимофею пакет с бутербродами, в пластиковую кружку горячий кофе налил. Тимофей радостно закивал, после первого

глотка кофе, что после водки, его понесло.

— Ребята! К чему весь этот детективчик? Поверьте, я — не мафиози, не политик, не уголовник! Простой автослесарь! Взять с меня нечего! Если только автомобиль починить, диагностику сделать... Любая модель..., любая заморочка..., вне очереди! С дорогой душой!

— Блин..., достал! Покемарить не даёт! Михалыч, врубить этому «Кулибину», что б замолчал? — очнулся от дрёмы сосед Тимофея справа.

— Руки чешутся, Какаев? Ну, разомнись для порядка. Главное, витрину ему не зацепи... — зевнул лысый.

Тимофей резко развернулся. В жажде размяться Какаеву не отказал — горячий кофе в глаза хлюпнул, в открытый рот бутерброд запихнул, коленом меж ног пнул. Отрыжку в благодарность за кофе сначала сказал «извини», потом кулак под дых воткнул. Тот ртом воздух начал хватать, как рыба, выброшенная на берег.

— Бычишься, автослесарь грёбанный? В аут захотел? На стол к патологоанатому спешишь? — выхватил пистолет лысый.

Мгновенным ударом ноги Тимофей выбил пистолет, схватив термос, крепко саданул по макушке Михалыча и водителя. Зазвенели, посыпались стёкла в колбе термоса, обдали паром и

кофейным ароматом горячие струйки. Машину закрутило, дверки открылись. Отрыжкин и Какаев вывалились на землю, что мешки с опилками. Лысый и водитель распластались в позе морской звезды. Тимофей выпрыгнул из машины, не забыв прихватить пакет с бутербродами.

В лесу сыро, скользко, болотом несёт. Мошка привязалась. Вправо пойдёшь — мох под ногами, влево свернёшь — вода захлюпает, а стемнеет — в трясине увязнешь. Вспомнив армейские будни десантника, Тимофей забрался на дерево, спрятался в ветках, притаился. «И сколько мне тут неммым дятлом геморрой насиживать? Братки очухаются, вдогонку бросятся. Пока суд да дело, надо перекусить. Там видно будет». Тимофей не спеша принялся жевать конфискованные бутерброды с колбасой и сыром, заодно осматриваться. На расстоянии с полкилометра, похоже, домик лесника — вдруг заночевать придётся. На это братки и будут рассчитывать — там меня и повяжут. Дудки вам, в прятки играть я умею!

Минут через сорок послышался хруст веток, шаги.

— Слыш, Михалыч! Этот автослесарь не такой и простенький! Прямо скажем — «не шиком бритый»! Лошара! Чуть слепым кротом меня не сделал! Отрыжкина вырубил! У тебя, Михалыч, и водилы эмаль на чайниках отшелупенил! За такие

выделоны уроем его! Львовне скажем — случайно! Шальная пуля его крякнула!

— Олень ты, Какаев! Заклёпки в твоей башке полюса с рождения перепутали! А потом нас Львовна уроет! Ты размяться возжелал? На испуг автослесаря решил взять? Надо было разминаться, а не подставляться самому, и нас не подставлять! Мы тоже лоханулись, не ожидали такой прыти от автослесаря! Убивать его однозначно нельзя, он Львовне нужен живым и здоровым! — «Да, налей вторую, чтоб валило с ног.

Нынче я пирую — отзвенел звонок!» — захрипел телефон в кармане Михалыча.

— Ну, вот... Блин, легка на помине. Львовна на проводе...

Михалыч неохотно открыл телефон.

— Слушаю, Елизавета Львовна... Заминочка вышла... Этот Тимофей борзым оказался! Сбежал... Деться он от нас уже никуда не денется! Впереди — болота, позади — мы с «вилами» на дороге. До железнодорожной станции ему тридцать километров топать. Для подстраховки я туда Бухалова и Обжорина уже послал. Бдят в оба глаза! Так что никуда этот автослесарь от нас не денется. Где-то затаился, сидит, выжидает. Оно уже темнеет, холодает, мошка наглет... На ночёвку, по-любому, он к домику лесника прибьётся. Объявится автослесарь — выбора у него нет! На крайняк его

семью придётся «подельфинить», в заложники взять. Кто там у него — жена, дочка... Разведка доложила — обе красотки... Слушаюсь, Елизавета Львовна! Гадом буду, ситуацию мы разрулим! Всё будет в «ёлочку»! — оправдывался Михалыч, вытирая пот на окровавленной лысине.

До самой ночи Михалыч и Какаев кружили по лесу, периодически наведываясь в лесничий домик. Позванивали Бухалову и Обжорину. Всё бестолку — Тимофей, как сквозь землю провалился. Злые, грязные вернулись к машине. На траве, раскачиваясь, приходили в себя Отрыжкин и водитель. На заднем сидении, как ни в чём не бывало, Тимофей попивал минералочку. Увидев Михалыча и Какаева, он выкрикнул:

— Размялись вроде... Поехали уже, что ли... От выразительных средств могучего русского мата лес онемел, забыл, о чём шумел, тучи поспешно спрятались за горизонт.

В огромной комнате на стенах сплошь портреты Тимофея и зеркала. Тимофей растерянно оглядывался по сторонам. Рядом Михалыч с забинтованной головой, морда кривым кирпичом.

— Узнаёшь? — кивает на фотографии.

— Нет, не узнаю. Точняк это не я... — отрубил Тимофей.

— А как две капли воды... — Возможно, мой двойник... — Много чести тебе, ты — двойник!

Ксерокс! Это ж надо умудрился такого человека скопировать! Фраерок! Везунчик! Фраерок везухи! — обзавидовался лысый.

— Очень надо! Никого я не копировал! Я сам по себе! И неизвестно ещё, кому повезло... — огрызнулся Тимофей.

— Без вариантов! Кто оригинал, знаешь? — Не... а... И на хрена оно мне... — Куролесов Глеб Яковлевич, алмазный король! В мэры Затюканского края баллотируется! — будто миллиардный джек-пот огласил Михалыч.

— Пусть хоть король солнца, президент планет! Я больше спортом интересуюсь — авторалли, бокс, футбол, хоккей. Политикой не заморачиваюсь, депутатам не симпатизирую, фас-профиль их не изучаю. Вашему ювелирному магнату флаг в руки! Не пойму только, от меня что надо? Чтобы я за него проголосовал? Хоть не верю ни одному кандидату, но так, и быть — отдам свой голос вашему Глебу батьковичу! А мне верните телефон, документы, ключи, бумажник! Домой отвезите! Там жена, дочка, небось, с ума сходят! У мамыши, ненароком, инфаркт случится! На работе прогулы запишут, премии стопудово лишат! — огрызнулся Тимофей.

— Ты чё, мужик, припух? Хронический синдром дубелова? Или придуливаешься? Мы тебя неделю вычисляли, выскивали! За тыщи

километров ездили! Из-за твоего несчастного голоса? Голосов и без тебя нарисуем, сколько потребуется! Флегму отключай! Раздупляйся! Сейчас к тебе придёт куратор-идеолог, историю разжует! — Во, кстати! Насчёт «разжевать — пожевать»? Может, наконец, покормите? Мой оригинал за это время, небось, уже раз пятнадцать поел! Я вашего миллиардера не сильно объём, думаю, не обеднеет!

Отвели в отдельные апартаменты. Показали шкаф с одеждой, всё от трусов-маек до пальто-дублёнок новое фирмное. Цены на этикетках длинные, больше на номера преискурантов похожие. Тимофей недоверчиво осмотрелся, принял душ, побрился. Французскими кремами, дезодорантами, парфюмами баловаться не стал. Выбрал, которое поскромнее, нижнее бельё, носки, спортивный костюм, кроссовки. Оделся. Горничная пришла, забрала грязную одежду в стирку. Постучалась официантка, уважительная такая, в белом передничке и кокошнике, предложила меню. Многих блюд и названий Тимофей слыхом не слыхивал. С разными там фрикасе, гратенами, кур-буйонами решил не заморачиваться, не рисковать. Заказал проверенный салат «цезарь», борщ, котлеты по-домашнему, конечно, кофе и бисквиты. Мясного хотел двойную порцию, но постеснялся — скажут ещё «с

голодного края».

Куратором-идеологом оказалась немолодая женщина. Хищным взглядом, длинным носом, от аллергии раскисшими губами она смахивала на эсерку Фанни Каплан, заклеймённую советской историей за покушение на вождя революции. Ни против эсерок, ни против немок, ни против евреек, ни против китаек Тимофей ничего не имел, но не питал уважения к бабам, отстреливающим мужиков.

— Елизавета Львовна! — не слабо пожала руку куратор-идеолог.

— Тимофей Резников... — проямлил Тимофей.

— Ваша задача — слушать меня и не перебивать! Вопросы потом. Работаем в режиме экспресса. И так много времени потеряли, пока вы с ними в «соловьи-разбойники» играли! — Вы первые эти «качели» затеяли! — огрызнулся Тимофей.

— Давайте ближе к делу! У Глеба Яковлевича случился сбой психики. Серьёзный сбой. — В списке Форбса потеснили на одну позицию? Пару миллионов баксов не досчитался? И сразу крыша съехала? Понимаю, сочувствую, но ничем помочь не смогу! Вынужден вас разочаровать — деньгами не выручу! И ещё вас удивлю: я — не психотерапевт и даже не семейный врач! — ухмыльнулся Тимофей.

— Я просила меня не перебивать! А вы ещё и кривляетесь? Всё мы про вас знаем! Меня слушайте! В самом разгаре предвыборная кампания в мэры Затюканского края! У Глеба Яковлевича все козыри в руках! Но такого, какой он сейчас, народу показывать нельзя. Вам придётся его подменить. Внешность у вас на удивление почти идентичная. Возраста, роста примерно одинакового. Вы немного худоваты..., надо будет в срочном порядке вес поднабрать! — Да ну? Тут как бы с голодухи не опухнуть! Кормите один раз в трое суток! И то, пока первое дождался, чуть не сгрыз бокал для воды! И не борщ дали, а овощную жижанину! К котлетам, вместо жареной картошечки, какая-то солома преляя! И порции жло-о-обские, как у воробышка из-под крылышка выцарапали!

— Перестарались! У Глеба Яковлевича хронический стоматит — борщ перебили на блендере, подали в виде пюре. Гарнир к котлетам — спаржу под трюфельным соусом, зря вы не оценили. Порции у нас по «фьюжен кухне», поэтому насчёт добавки не стесняйтесь. Уверяю вас, голодать вы не будете! В меню выбирайте самые калорийные, самые деликатесные блюда, в любом количестве! — Не в коня корм! Я жилистый, мясом и жиром слабо обрастаю. Легче шефу липосакцию сделать! — Не мелите ерунду! Равнение на оригинал, а не на копию! Придётся вам

поднатужиться — отъесться!

— Случаем, не в убойный цех меня повезёте? — Очень надо, вы невкусный! Далее..., ваши гусарские усы сбываем. Светлый след от усов на коже ультрафиолетом убираем.

— Что значит — усы сбываем? Какой ещё след, каким ультрафиолетом убираем? Почему вы за меня всё решаете? Лично я усы сбывать не собираюсь! У меня не просто усы — связь с космосом! — отнекивался Тимофей.

— Не самое лучшее время и место для ваших фэнтэзи! — В натуре! Двадцать лет при усах! И вдруг стану безусым, что юнга — пацан? Жена меня не узнает! Ребята в гараже затюкают, засмеют! — Не обсуждается! Следующее — родинку на кончик носа посадим, точь-в-точь, как у Глеба!

— А без извращений никак? — Не извращение — просто родинка, аккуратненькое коричневое пятнышко! Глеб эту родинку бережёт, говорит, счастливый знак. — Не бородавка в ноздрю — и то легче!

— Далее, корректировка стрижки, густоты бровей. Вами займутся доверенные парикмахер, косметолог. — Моя стрижка меня устраивает, почему я должен её менять? — Стрижка у вас провинциальная класса парикмахера-пэтэушника. А у нас знаменитый мастер-модельер. Стрижка нужна презентабельная, как у Глеба Яковлевича. —

Хватить меня хаять! А то ещё вздумаете пудрить, помадить, пенсне на нос, бабочку — удавочку на шею! И, не пойму я, вы что — брови выщипывать мне собрались? Дамским пинцетом, как у моей Маринки? — ужаснулся Тимофей.

— Наоборот, брови наращивать придётся... — Наращивать? А вы ничего не перепутали? Не в покойного Леонида Ильича — в ныне здравствующего Глеба Яковлевича вроде рядить собирались! Поэтому, не увлекайтесь, без фанатизма!

— Всё остроумничаете? А дело экстра серьёзное! От вас требуется скрупулёзно изучить шефа походку, манеру поведения. Для этого необходимо внимательно просмотреть разные видео. Глеб на алмазных приисках, ювелирной фабрике, за трибуной, на совещании, банкете, яхте, в биллиардной, ресторане, в своей резиденции! — А меня кто-нибудь спрашивал, хочу ли я в чужую миллиардерско — мэрскую жизнь? Лично мне комфортно в моем среднем достатке высококвалифицированного автослесаря! Поверьте, никого агитировать не приходится! От клиентов отбоя нет! На месяц вперёд в очередь записываются! — Расхвастался... Взрослый мужик, а, что ребёнок... Напоминаю, речь идёт не о клоунстве — мэрстве! — Вот именно! Не впихивайте в меня невпихуемое! Не собираюсь

участвовать в вашем маски-шоу! Я — не робот, которому вы втулите хакерскую программу! — Кирпич вы упёртый! Так и хочется вам кляпом рот заткнуть! Или тряпку на голову накинуть, как на клетку с попугаем, что б замолчал! Ломаетесь, что девица красная! Нянчиться с вами, умолять вас я не собираюсь! Позову своих ребят, пусть они вас «поуговаривают»! Часа через два Тимофея снова привели к «губошлёмой», так для себя он окрестил Елизавету Львовну.

— Надеюсь, теперь вы стали сговорчивей... Сейчас посмотрим видео с Глебом Яковлевичем. Готовы? Тимофей обиженно сопел.

— Я задала вопрос, ответ не услышала... — повысила голос «губошлёмая».

— Да... — Что «да»? — Готов... — неубедительно подтвердил Тимофей.

— Так вот..., по тембру ваши голоса совпадают, следует поработать над интонацией. Обратите внимание, очень важно! Шеф говорит медленно, невнятно, будто манную кашу жуёт. Когда злится, заикается на ключевых фразах. Ещё... он стабильно коверкает идентичного звучания слова, говорит: «конститутция», «ситуатция», «демонстратция», «каоолитция». — Типа, «проститутция»? — Типа, да... Далее..., он не чётко выговаривает букву «л», звучит, как «в». Например, не «люди», а «вуди», не «либерал», а

«виберал», не «ложка», а «вожка», не «алмазный», а «авмазный» — Не «король», а «коровь»... — ухмыльнулся Тимофей.

— Способный, схватываете на лету — затеплилась надежда. Ещё, из-за хронического гайморита он гундосит «хм-хм-хм», поэтому в обязательном порядке вам придётся хмыкнуть хотя бы раз в полчаса!

— С секундомером в правой руке? Или с будильником в нагрудном кармане? А, может, перед глазами таймер установить?

— Тимофей, хватит ёрничать! — гаркнула «губошлёпая».

— Вопите, как укушенная! Перепонки в ушах чуть не лопнули! — огрызнулся Тимофей.

Побагровевшая Елизавета Львовна взяла стакан с водой, ушла к окну. С трудом успокоившись, она вернулась.

— Далее..., носовым платком Глеб Яковлевич пользуется не совсем корректно. Развесит, как простыню, и начинает противно сморкаться.

— Я вот думаю, не слишком ли много «харизмы» для одного мэра? — подперев ладонью лоб, застыл в позе мыслителя Тимофей.

— Не вам думать, рассуждать! Ваше дело — телячье, во всём подражать! Понятно? — притопнула ногой «губошлёпая».

— И Дауну ясно — это ещё хуже, чем «иди,

пожалуйста, в жопу!»! С какой стати я должен уродоваться? Ненароком привыкну, втянусь! Потом ещё окажется, когда у шефа глаз дёргается — значит, будет чихать! А брови дыбом — готовьтесь! Щас бзднёт! — Не хамите! Что за слова вы себе позволяете? Совсем распоясался! «Губошлёпая», что мужик, врезала кулаком по столу.

— Для филолога нет запретных слов, для бывшего морского десантника, ныне автослесаря — подавно! — не сдавался Тимофей.

— Всё юродствуйте? Если сами ещё не допёрли, открою вам глаза — выбор не на вашей стороне! И подсуетитесь, времени на раскачку не осталось! — А не проще ли шефу подлечиться у психиатра, логопеда, отоларинголога? Поучиться этике поведения! А потом в мэры Затюканского края лезть!

— Разумничался! И без ваших подсказок с Глебом Яковлевичем работают самые лучшие специалисты! Увы, пока без заметных сдвигов... О подмене шефа знаю только я и его телохранители, которые вас выловили. Остальные не в курсе! — Мне как-то фиолетово и пополам...

— Я смотрю, вы — некурящий. А Глеб много курит, и только кубинские сигары.

— С этим делом полный пролёт, я в завязке много лет! Моя Маринка запах табака не терпит, к себе не подпустит! И случаем пристращусь, потом

месячной зарплаты на пару сигар не хватит!

— Хорошо, оставим этот вопрос открытым. Тем более, Глеб Яковлевич лет десять грозитя бросить курить. Поговорим о семье шефа. В этом плане вам необыкновенно повезло! — упоенно подкатила глаза губошлёпая.

— В смысле «повезло»? — напрягся Тимофей.

— Как и у вас, у него жена и дочка возраста приблизительно одинакового с вашими. Жену зовут Земфира, а дочку — Диана. — А это ещё мне зачем? — буркнул Тимофей.

— Сейчас они на Канарах. Когда приедут, вам придётся играть и роль главы семейства! — Необыкновенно... сомнительная... везуха! Будто ногами в маргарин вступить! — минорно присвистнул Тимофей.

— Насчёт этой самой Земфиры, может, прикажите ещё и супружеский долг исполнять? — без намёка на энтузиазм поинтересовался он.

— Это по обстоятельствам, может, и придётся... — Офигеть! А ничего, что у меня есть любимая жена Маринка? Как с этим быть?

— Ничего страшного, не мне вас учить... В народе говорят «не сотрётся»... — противно ухмыльнулась «губошлёпая».

— Ну, это, уж, увольте! Пусть мне якорь на спину упадёт! Пусть меня баржа собьёт! Самосвалом кабину сомнёт! Но нет! Моё вам не

одурманенное нет! — отрубил Тимофей.

— А чего вы так взъерепенились? Женщину испугались? Бойтесь — не потяните? — Не надо меня лечить, мозги стрептоцидом пудрить! Под шефа канать — это вроде как работа, хоть, и по принуждению. А в квази-мужа, квази-отца рядиться — предательство на две семьи! Дабл измена! Не возьму я этот геморрой на свою голову! Делайте со мной, что хотите, но роль «фейкового» самца и отца не для меня! Не моё амплуа!

Опять били — профессионально, ювелирно, не спеша... Потом закрыли в апартаментах. На размышление дали ночь. Что размышлять? Всё яснее ясного, дело — жопа, жопа слона! Капец, мега-капец! А, будь что будет! Двум смертям не бывать, одной не миновать! Тимофей открыл бар, холодильник. Нервный стресс залил стаканом шотландского виски, закусил, чем пришлось — белужьей икоркой, лосиным сыром, мясным балычком, подсластил французским шоколадом. Орешки пощелкал, на вид, правда, какие-то облезлые, но ничего — вкусные. Налил ещё виски. Уселся в мягкое кресло — и пошла расслабуха. Задремал.

— Спишь, что ли... — толчок в бок.

Тимофей неохотно открыл глаза. Как в тумане, молодая женщина. На кого она похожа, где я её видел?

— Подруга! Я тебя не вызывал! Если ты к Глебу — ошиблась дверью! — прикрикнул он.

— Знаю, ты — Тимофей. И не подруга я тебе, а тёща твоя Маргарита — Пипец! Меня и так мурашит от реальных лиц этого дома! Привидениями решили взбодрить?

— Да, привидение. Не просто привидение. Я — Справедливое Привидение. Совет пришла тебе дать. Если хочешь благополучно вылезть из этой истории, не лезь на рожон! Выполняй всё, что прикажут! — Не мытьём, так катаньем! Если ты типа тёща моя, то чёш подталкиваешь на измену Маринке, дочке твоей?

— Никакой измены не будет. Меня послушай. Эту самую Земфиру Глеб привёз из сельского захолустья. В студенческие годы он в колхоз «на картошку» ездил. Вечерами молодёжь в сельский клуб на танцы бегала. Там к Глебу Зинка и прилипла. Домой проводить попросила, на сеновал пригласила. Вернувшись из колхоза домой, Глеб про Зинку благополучно забыл. Через пару месяцев его с родителями в деканат вызывают. А там заплаканная Зинка с мамой — известной на всю деревню скандалисткой Аллой Шкуркиной. Глеба обвиняют — мол, затащил девочку на сеновал, изнасиловал. Теперь Зина — беременная, к тому же она — несовершеннолетняя. Мало того, что Глеба отчислят из института, ему грозит уголовная статья

за надругательство над малолетней. Отцу и матери, воспитавших насильника — общественное порицание, из парии исключат. Мама Зинки Алла Шкуркина на весь деканат вопит:

— Моя дочка — внебрачная дочь международного дипломата! А я — известная на всю деревню графиня! Родители Глеба не на шутку за судьбу сына и свою шкуру испугались. Еле-еле уговорили Аллу Шкуркину дочку замуж отдать за Глеба. Тем более, если у Зины папа, хоть и внебрачный, а международный дипломат, а мама, хоть и в зашмыганном платке и в калошах на рыбьем меху, а графиня. И такое родство тоже может пригодиться. Времена мутные в стране — пока коммунизм построят, глядишь, царизм наступит! Единственному сынку свадьбу пышную сыграли, Зинка вмиг обратилась в Земфиру. Потом выяснилось, действительно, один из бывших одноклассников Аллы Шкуркиной выбился в люди — стал дипломатом. Но даже в сторону этой Аллы он никогда не глянул. Настоящий отец Зинки — горький пропойца тракторист Пашка Ширикин. Кличут его «Ширинкин», потому как брюки всегда нараспашку. Мать Зинки Аллу Шкуркину за наглость, склочничество в деревне презирают. «Графиней» — да, называют. Потому что графин у неё на голове соседка разбила. Мало того, что к соседскому мужу Аллка клеилась, ещё и в их

огороде крысятничала — по ночам кочаны капусты срезала. С тех пор, как графином Аллку Шкуркину соседка «ографинила» — эта кличка к ней и прилипла. Беременность Зинки оказалась липовой, ещё и Глеба обвинила, что из — за него на нервной почве ребёнка «потеряла». Диана родилась через пять лет. Зинка, вся в мать. Обе наглые, вцепились в Куролесовых, как вша в кожу, материальные блага изобретательно вымогают. Глеб рассчитывал на сельскую скромницу, покорную жену, а просчитался. Деревенская девка Зинка оказалась ещё той шалуньей — затейницей. Любовников у неё, что у фартового моряка в каждом порту. По-бабьи её понять можно, Глеб травкой балуется, под кайфом его больше на мальчиков тянет. Дежурный фаворит Земфиры в её личной охране, Кириллом зовут. Елизавета Львовна обо всём в курсе. Земфиру она ненавидит, за глаза называет «хитро спаренная дрянь». Дома Земфира в мымру рядится, с мужем она только для отвода глаз. А если всё-таки будет приставать — отлынивай, и до измены дело не дойдёт!

— Легко сказать, отлынивай! Отлынивать я, вроде, не привык! Не по-мужски это! — хмыкнул Тимофей.

— Не паникуй. Земфира тебя не вдохновит, как раз наоборот. И потом ей легче отказать, чем удовлетворить — По-любому, кроме Маринки, мне

никто не нужен! — Правильная установка. Теперь, насчёт их дочки Дианы. Вроде при маме-папе, на самом деле она сама по себе. Странности у неё больше напускные, протестные. Как и Рита, она «Эмо» увлекается. В общем, девчонка неплохая. Дочку в ней увидишь, подружишься. В этом вертепе тебе придётся сыграть главную роль. Убедительно сыграть. Иначе для тебя всё плохо закончится. Умирать тебе по судьбе не скоро. Бить они умеют, ты уже убедился. Живым оставят, но на ноль помножат. Не упомнишь ни себя, ни маму родную, ни жену, ни дочку. Воробьям дули крутить будешь. А насчёт измены, вот что я скажу тебе, Тимофей... Меньше диспетчера вашего автосервиса вертихвостку Юлю на своей машине подвози. А то доездитесь.

— Я хую с этой постановы! А ну, колись, артистка бесталанная, с какого Погорелова театра тебя выписали? — вскричал Тимофей.

— Теперь я понимаю, в кого внука моя грубиянка такая. — Ты и дитя успела загрузить?

— А как же. Пришлось вмешаться. Вы ж с Маринкой всё по гостям, да пикникам, а за девчонкой нужен глаз да глаз. — Что ж такого ты своим зорким оком узрела?

— Ничего особенного... Горшок с орхидеей склеила... Послушай меня, Тимофей, плохому я не научу. Цену назначай за роль Глеба Яковлевича.

Побольше, понаглее! Дави на вредность, сверхурочные, ночные, выходные, праздничные, отпускные, премиальные. Моральный ущерб не забудь! Торгуйся, не стесняйся — тогда поверят. Деньги у них несчитанные, а у тебя они карманы не жмут. Ты вон, какие крутые тачки разным толстосумам ремонтируешь, а сам десять лет на одной и той же скромной легковушке едешь. Купишь себе..., я не знаю, какие сейчас машины для зависти. В мою бытность лихих девяностых тогдашние «мажоры», то есть рэкетеры в малиновых пиджаках, ездили на вишнёвых «девятках» и чёрных «бумерах». Короче, собственный автосервис заимеешь, там машину и выберешь. Маринке шубу подаришь — богатую норковую в пол, а то пять лет всё не допросится. Семью повозишь по Болгариям, Югославиям, Карловым Варам. Ой, нет..., по Анталиям, Эмиратам, Таиландам. Маринку надо в должности повысить, до каких пор она будет в служащих, то есть в менеджерах ходить? Ниже, чем на место первого зама управляющего, пусть не соглашается. Без взятки не обойтись. Сколько сейчас надо «в лапу дать»? Раньше в бутылку армянского коньяка и коробку «Грильяжа в шоколаде» укладывались. Земельки где-нибудь в курортной зоне хотя бы с гектар следует прикупить. Не помешает. Ремонт дома сделаете, моющиеся обои наклеите. Мебель,

наконец, поменяете. Какая сейчас в моде стенка — польская «Медео», болгарская «Кристина»? Я думаю, лучше румынскую достать. Столовый сервиз «Мадонна» на двадцать четыре персоны купите. Пригодится. Рите на свадьбу подарите!

— Ну, ты и вычудила! Обои моющиеся, стенка мебельная, столовый сервиз «Мадонна»! Прошлый век, совковский набор! В дефиците сейчас только деньги! — ухмыльнулся Тимофей.

— И то, правда. Будет свобода в деньгах, выберете всё по моде на свой вкус. Главное, Рите жизнь устроить. Выучить, ветеринарную клинику для неё открыть. Ещё и на внуков останется.

— Ничего не понимаю, жара в голове! Тёща, ты — вечная? Нашла ручей бессмертия? Или с чужого сёрбаешь? — Опять грубишь... В ином мире я много лет. Грехов земных на мне мало, успела отмолить. Выпросила милость небесную на помощь ближним в житейских тяжбинах Тимофей хлопнул себя по лбу ладонью.

— Извини! Провтыкал я, штора на глаза упала! А теперь пробило! Видел тебя с этой же причёской, в этом же платье на фотографии, которую Маринка в верхнем ящике своей прикроватной тумбочки хранит. Бывает, тайком достанет и плачет. Теперь признал тебя, тёща дорогая! По чесноку — моя тебе благодарочка! С того света не поленилась — прилетела подмогнуть!

А муженёк твой, и ныне здравствующий Фёдор, как отправил Маринку в двенадцать лет в интернат, больше о ней и не вспомнил. На свадьбу к родной дочке не соизволил, на крестины внучки не явился. Хотя приглашали, низко в ножки кланялись!

— Всё мне ведомо. На мне вина. Когда замуж собиралась, следовало, во-первых, отца будущим детям выбирать, а потом уже своим женским гормонам подчиняться. А сейчас, зятёк, мне пора на тот свет возвращаться... — Погоди — погоди! Не могу раму сбить, мозги спясть! Панический аппарат включился! Всё же, как эту мутную историю быстрее крутануть в благополучную развязку?

— Время покажет. А пока, держись, зятёк! За всё тебе воздастся. Маринка готовит для тебя за-а-видный подарок! — Ничего мне от неё не надо, она сама для меня подарок! Вот если б сынка нам родила! А то как ни стараемся, не получается! А возраст того, уже поджимает! — И я о том же, аккурат под новогоднюю ёлку сынка и родите!

— Сынка родим? Правду что ли ты говоришь? — взволновался Тимофей.

— Даже не сомневайся! — Да, тёща, бонус ты мне намармеладила! Птички в душе защебетали! Педали сотру, подошвы гореть будут! Уж, я расстарюсь!

— Ещё, чуть не забыла... Ты, зятёк, в бутылку виски иль водки меньше заглядывай, а то

доприкладываешься... — Хорош, тёща, учить — поучать! Не пацан! Сам в курсах...

...От Тимофея ни слуху, ни духу. Марина взяла отпуск за свой счёт. Надоели насмешки, шушуканья сотрудников за спиной. У Ларки от ехидства стрелки на глазах аж на виски вылезли, губы до ушей растянулись.

— Говорят, муж от тебя сбежал? Сказал, чем с такой занудой жить, лучше утопиться в Бермудском треугольнике! — так прямо в лоб и выдала.

Тайка — сволочь двуличная, стукачка продажная. Я ей доверяла, думала, подруга верная, а она... Но ничего, перед получкой прибежит деньгами разжиться! Стоп, а где банковская карточка Тимофея? Марина открыла письменный стол. «VISA» мужа на месте. А толку? Пин-код всё равно не знаю. Резко закрыла стол. Не буду унижаться, обойдусь без подачек предателя! Посчитала деньги в кошельке и припрятанные на всякий случай в шкатулке. Негусто, а до зарплаты ещё далеко. Как бы самой в банковские кредиты не впутаться, на долговой пенёк не подсесть. А то Тайка первый кредитный взнос по ошибке не на ту карточку положила, пока разобралась, неделя прошла. А банк рад стараться, такие штрафные санкции включил, теперь Тайке до конца дней из долговой ямы не выкарабкаться. Пора Тимофею уже и объявиться... Нет, не прощу! Разведусь! А, не